

Анастасия ГУБАЙДУЛИНА

БАДМИНТОН

Але

Воланчик в развёрнутом небе.
Глаза поднимать горячо.
Под солнцем почти не заметен
Сверкающих нитей пучок,
Затянутый узел – на память
О том, как бывает тепло,
О том, что позволено падать
И снова вставать на крыло.
Воланчик закручен спиралью
И силой богов наделён.
Он прочерком быстрым стирает
Любую границу времён.
С ним прошлое – импульс подачи,
Грядущее – пряная ложь:
Мол, промахи мало что значат,
Ты точно теперь попадёшь!

ИЗ ИСПАНИИ. ОСЕНЬ 2015.

1

В Гранаде тоже чувствуется осень.
Земля тепло дневное не хранит.
Каштаны в парке, ударяясь оземь,
Костяшками отщёлкивают дни.
Всех солнце к югу, к Гибралтару манит,
Лишь тени пред церквями пали ниц.
Экскурсии крылатыми платками
Напоминают перелётных птиц.
Всё меньше едут тратить, греться, плавать...
За лето устарела старина.
И на развалах у арабских лавок
Взывает к вам последняя цена.
Узор Гранады походя расхвтан.
Но всё равно, по склонам до низин,
Как зёрна перезрелого граната,
Рассыпался бессмертный Альбайсин.

2

Скатилось солнце в бокал вина.
Сеньора вскричала: «Ай!
Букет испортит. Прожжёт до дна.
Скорей его вынимай!»
Болталось солнце туда-сюда,
Как скользкий, густой желток,
Пока щипцами для колки льда
Сеньор его не извлёк.
Добычу стряхивал солнцелов,
Брезгливо отставив кисть.
А солнце где падало, там росло,
И лозы его плелись.
Светился радостно каждый ус,
Теплел аромат земной...
Сеньора сказала: «Приятный вкус.
Умеют они – вино».

Сегодня улицы пустынные,
Окрест расчерчены ветрами.
Река по-стариковски стынет,
Жалеет, что разделась рано.

Подвижник – кран семиэтажный, –
Чуть отклоняясь для обзора,
Накладывает хром и сажу
На холст, запечатлевший город.

Нет, фон не серый и не сизый,
Не верь поклёпам голубиным.
Смотри, как по пустым карнизам
Сухая кисть прошлась кармином.

Гляди, как кобальт проступает
Мазками тополиных почек,
Как света охра золотая
То здесь мелькнёт, то там проскочит.

Теперь от холодов окрестных
Освободишься ты едва ли.
Нам не покинуть это место:
Нас в нём уже нарисовали.

*

Как хорошо, что ты не изменилась,
Как будто годы избранных щадят.
Как будто есть таинственная милость,
Способная освободить тебя,
Решить, что ренессанс твой будет долог
И красота бездонна, трать и трать.
Как будто вечность – чуткий археолог –
Готова даже пыль с тебя сдувать.
Как будто невдомёк судьба чужая:
Часы, таблетки, трости – глупый хлам...
И я, в тебе желанно отражаясь,
Отказываюсь верить зеркалам.

Москва пропитана стихами,
Они сочатся.
Цезуры точатся о камень,
Ходы ветвятся.

Стихи становятся помехой
В метро – невольно –
И добавляют звукам эхо
На колокольнях.

Они на хлам непоэтичный,
Как блеск на веки,
Ложатся: в ресторанном киче,
В салонах, в ЖЭКе...

Давно ль поэты рвались прочь, и
Тянулись сани...
Теперь стихи – московский почерк,
Её дыханье.

Но переплавке в амальгаме –
Нет, не подвластны.
И все труды «писать стихами»
В Москве напрасны.